

делов техногизации нет. Что касается культурных составляющих, большинство из которых имеет феноменальную, иррациональную природу (язык, коллективное и социальное бессознательное, менталитет, темпоритм цивилизационного развития, аутопоэзис, идентичность), то их техногизация не возможна, поскольку современная техническая и математическая методология не имеют методов их познания, а, следовательно, и изменения;

• абсолютными пределами для техногизации являются экзистенциальные контуры человеческого бытия. Причина невозможности их технического воспроизведения лежит в их субъективно-идеальной, феноменальной (трансцендентной) природе. Ни одно *техническое средство* никогда не сможет ментально выразить веру, любовь, рефлексию, дружбу, эмпатию, горе, вражду и т.п., по причине того, что они математически не моделируемы, поскольку иррациональны. Трудно не согласиться с Д.И. Дубровским, который утверждает, что «Человеческая субъективная реальность, сознание не просто некоего эпифеномена мозговых процессов, а выражение специфического, качественно особого уровня и способа переработки, производства и использования информации в самоорганизующейся системе. Поэтому прямые аналогии между мозгом и компьютером нередко оказываются неадекватными. По той же причине субъективная реальность оказывается неуловимой для привычных функционалистских методов, опирающихся на описание внешних действий системы, ее реакций [3].

Каковы же перспективы человека в целом? Решение зависит как раз от выбранной «жесткой» или «мягкой» траектории мышления и технического развития. Обнадеживающие, незыблемые, на первый взгляд, *социокультурные и экзистенциальные контуры (константы) человеческого бытия будут выступать в качестве пределов техногизации интеллекта и человека только до тех пор, пока признают факт их существования, причем ценностного существования, иначе эра зомби неизбежна...*

Список литературы

1. Алексеев А. Ю. Проблема зомби и перспективы проектов искусственной личности и искусственного общества / А. Ю. Алексеев, Т. А. Кураева, А. К. Тумасян // Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. – М. : ИИнтеЛЛ, 2005. – С. 26–32.
2. Денет Д. Интенциональность / Д. Денет. – Режим доступа: <http://ase.tufts.edu/cogstudpapers/intentio.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Дубровский Д. И. Новая реальность: человек и компьютер / Д. И. Дубровский // Полигнозис. – 2003. – № 3. – С. 20–32.
4. Кочергин А. Н. Искусственный интеллект и мышление / А. Н. Кочергин // Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. – М. : ИИнтеЛЛ, 2005. – С. 53–56.
5. Люгер Д. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем / Д. Ф. Люгер ; пер. с англ. – М. : Вильямс, 2003. – 864 с.
6. Сёрл Д. Сознание, мозг и программы / Д. Сёрл. – Режим доступа: http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/s/searle_1.htm#_ftnref1, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Храпов С. А. Информатизация социокультурной реальности и общественного сознания постсоветской России / С. А. Храпов // Ученые записки РГСУ. – М. : ОРПИ РГСУ, 2010. – № 3. – С. 47–55.
8. Храпов С. А. Техногенные метаморфозы общественного сознания: содержательный уровень / С. А. Храпов // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 4. – С. 52–59.

ЕВРАЗИЙСТВО: ФЕНОМЕН И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

О.К. Антропов
(Россия, Астрахань)

Евразийство – идеологическое течение, повлиявшее на интеллектуальную жизнь русской эмиграции. Евразийская доктрина стала единственной историософской и общественно-политической концепцией Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., которая пережила своих создателей и возродилась вновь в постсоветской, постперестроечной России конца XX – начала XXI в. как альтернатива и коммунизму, и либерализму. Идеи евразийства, связанные с сохранением целостности многонациональной России, раскинувшейся на двух континентах, весьма актуальны в нынешних условиях поиска нового союза независимых государств Европы и Азии вместо распавшегося СССР.

Eurasianism is the ideological course, which influenced the intellectual life of the Russian emigration. Eurasian Doctrine became the only historiographical and socio-political concept of the Russian Abroad in the 1920–1930's that survived its creators and was revived again in the post-Soviet, post-perestroika Russia in the late XX – beginning of the XXI century as an alternative to communism and liberalism. The ideas of Eurasianism of preserving the integrity of multinational stretched-across-two-continents Russia are highly relevant in the present circumstances of the searching process of a new union of independent states in Europe and Asia instead of the disintegrated Soviet Union.

Ключевые слова: евразийство, Русское Зарубежье, русская идея, концепция евразийцев, славянофильство, этатизм, евразийская доктрина, евразийское движение.

Key words: eurasianism, Russian Abroad, Russian idea, concept of Eurasians, slavophilism, statism, Eurasian doctrine, Eurasian Movement.

Евразийская доктрина – это единственная историософская и общественно-политическая концепция Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., которая пережила своих создателей и возродилась вновь в постсоветской, постперестроечной России конца XX – начала XXI в., как альтернатива и коммунизму, и либерализму. Евразийцы не признавали «белую идею», они отрицали большевизм, либерализм и монархизм, их лозунгами были: православный социализм, национал-большевизм и федеративная империя. «Евразийцы были теми национальными пророками и провидцами, которые первыми поняли безысходность дуального противостояния внутри нации. Их глубокая духовная интуиция совершенно правильно подсказала им, что истинным может быть только синтез, нечто третье, уникальный «третий максимализм», о котором они говорили, под первыми двумя имея в виду позиции радикальных большевиков и радикальных антисоветчиков» [1, с. 7–8].

Евразийство как идеологическое течение, повлиявшее на интеллектуальную жизнь русской эмиграции в 1920–1930-х гг., зародилось в Софии в 1920 г. В евразийскую группу вошли: лингвист, этнограф и культуролог кн. Н.С. Трубецкой, экономист, историк и географ П.Н. Савицкий, философ и богослов Г.В. Флоровский, философ В.Н. Ильин, историк и философ Л.П. Карсавин, историк Г.В. Вернадский, искусствовед П.П. Сувчинский, литературный критик Д. Святополк-Мирский, литературовед, историк культуры П. Бицилли (вскоре вышел из группы), позже присоединился правовед, специалист в области философии истории Н.Н. Алексеев. Странниками фундаментальных положений евразийства называли себя многие деятели русской науки и культуры за рубежом.

Свои программные положения евразийцы изложили в первом сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», который вышел в Софии в 1921 г. (авторы П. Савицкий, Н. Трубецкой, Г. Флоровский, П. Сувчинский). Евразийский сборник статей привлек внимание эмиграции оригинальностью анализа национальных проблем, особыми проектами преобразования общественного строя Советской России и в то же время насторожил непримиримую часть эмиграции лояльностью авторов по отношению к некоторым политическим и экономическим проблемам Советской власти и методам их решения. Авторы называли свое идеологическое течение «пореволюционным». В предисловии они писали, что всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения русской проблемы. «На этот сборник откликнулись практически все крупные фигуры того времени: Струве, Бердяев, Ильин, Гиппиус и т.д. Отныне именно отношение к евразийцам и их тезисам будет отличительной чертой для самоопределения идеологической позиции русской эмиграции. Те, кто относятся сочувственно и положительно к их программе, составят фракцию третьего Пути (ни большевизма, ни царизма). Те, кто отвергнет ее, однозначно отождествятся антикоммунистической консервативной или либеральной реакцией» [2, с. 436].

Дальнейшая деятельность активной евразийской группы проявилась в Праге, Париже, Берлине. Евразийцы выпустили второй сборник «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922), а вскоре и третий – «Россия и латинство» (Берлин, 1923). Затем в Берлине и Париже стали выходить «Евразийская хроника», а также журнал «Евразийский временник». В 1926 г. был разработан программный документ евра-

зийского движения – «Евразийство. Опыт систематического изложения». Это был манифест движения, его теоретическая и идеологическая платформа. Со второй половины 1920-х гг. во французской столице стала выходить газета «Евразиец». Появились евразийские периодические издания и в ряде других европейских городов: в Брюсселе, Праге, Нарве и т.д. Последними значительными публикациями евразийцев стали книги: «Евразийский сборник» (Прага, 1929) и сборник статей «Тридцатые годы» (Париж, 1931).

С исторической точки зрения, евразийское движение условно можно разделить на три этапа.

Первый этап – возникновение, становление и подъем евразийского движения (1921–1925 гг.). На этом этапе разрабатывались основные положения евразийской теории и издавались наиболее значимые, фундаментальные работы евразийских авторов. В тот же период в столицах ряда европейских стран возникли центры и издательства евразийцев, которые, в основном, являлись кружками русских ученых-гуманитариев.

Второй этап – это период расцвета движения, активной общественной деятельности и плодотворного творчества. Этот этап характеризуется расколом движения. В 1926–1930 гг. руководители евразийцев через провокационную организацию «Трест» пытались воплотить в жизнь евразийскую доктрину, и эта попытка осуществления на практике политических действий оказалась неудачной.

Во второй половине 1920-х гг. «круг участников движения расширился не только количественно, но и качественно: к нему присоединились такие значительные фигуры, как философы и богословы Л.П. Карсавин и В.Н. Ильин, правовед Н.Н. Алексеев, историк Г.В. Вернадский, литературовед Б.С. Святополк-Мирский. Евразийским идеям симпатизировали крупные художники Русского Зарубежья: писатель А.М. Ремизов, поэт М.И. Цветаева, композиторы С.С. Прокофьев и И.Ф. Стравинский» [4, с. 237].

1927–1929 гг. – наиболее активный период творчества и издательской деятельности, активной популяризации идей евразийцев. Это был пик их известности и влияния на эмиграцию. Особое внимание и интерес эмигрантской общественности вызывала их научная и публицистическая деятельность. В этот период выходили в свет ряд фундаментальных евразийских научных исследований: монографии Г.В. Вернадского «Начертания русской истории», часть первая (Прага, 1927); Н.П. Толля «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» (Прага, 1928), Э.Д. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIII вв.» (Белград, 1929), П.Н. Малевского-Малевича «Новая партия в России» (Лондон, 1928), Н.Н. Алексеева «На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности)» (Париж, 1927), «Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства» (Париж, 1928), «Теория государства. Теоретическое государственствление. Государственный идеал» (Париж, 1931) и др.

Третий этап евразийского движения охватил 1930-е гг. Это был период кризиса, затухания и исчезновения евразийства как интеллектуального и общественного движения. Евразийское движение изжило себя: провокации ГПУ, склоки между лидерами движения, разобщенность и противоречия в среде участников, критика со стороны оппонентов из эмигрантской среды.

Исчезновению евразийства с идейно-политической арены Русского Зарубежья во многом способствовала его политизация. Последнее в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было неизбежно и обусловлено рядом обстоятельств. К факторам, способствующим политизации, можно отнести:

- антикоммунизм, враждебность к большевизму;
- обостренное чувство национального самосознания как следствия стремления сохранить «русскость» в инородной среде обитания, оскорбленного чувства национального достоинства в результате изгнания из Отечества;
- материальная неустроенность, трудности адаптации за границей, тоска по Родине;

– крах русских, православных традиционных ценностей вместе с соответствующим образом жизни.

Все эти обстоятельства заставили активных участников движения искать выход из тупика, попытаться порвать замкнутый круг обыденности и безысходности. Отсюда и желание не только создать свою идеальную модель будущего устройства постсоветской России, но и стремление на практике реализовать эту модель, т.е. включиться в общественную деятельность, в политическую борьбу.

Концептуальным базисом, исходным пунктом во всех теоретических выкладках евразийцев, был тезис: Россия – Евразия есть неповторимый географический, этнический и культурно-исторический мир. Философские воззрения евразийцев, не смотря на свою оригинальность, базировались на традиционной русской православной философской системе. Стержнем философских взглядов евразийцев стало допетровское православие.

Русская идея трактовалась как историческая миссия служения всему человечеству, объединения народов Евразии и всеобщее противодействие влиянию западной цивилизации. Историческая миссия России как великой евразийской державы заключалась в том, что свое развитие она осуществляет для саморазвития других народов, т.е. живет не для себя, а для других, ради какой-то великой идеи.

В качестве основной, исходной категории философско-мировоззренческой системы евразийства выступало понятие «личности как живого и органического единства многообразия». «Личность – единство множества и множество единства. Они – всеединство, внутри которого нет места внешним механическим и причинным связям, понятие которых уместно и удобно лишь в применении к познанию материального бытия» [3, с. 21].

Отдельной личностью евразийцы признавали не только отдельного человека – индивидуальную личность, но и «социальную группу, и притом не только "сословие" и "класс", как это делают марксисты, но и народ и субъект культуры (например, культуры русско-евразийской, объемлющей многие народы, культуры европейской и т.д.) и человечество. Мы считаем и называем их личностями, но в отличие от индивидуумов, личностями соборными или симфоническими» [3, с. 21].

Второй составляющей евразийской идеологии являлась их религиозная концепция – трактовка православия как основы «истинной идеологии». «Если мы хотим найти идеологию, в основаниях своих абсолютно истинную, абсолютно несомненную, мы должны искать эти основания в религии, в религиозной вере. Нельзя надеяться на преодоление коммунизма, если религиозной, хотя и мнимой вере коммунистов и их мниморелигиозному одушевлению не будет противопоставлена другая вера; можно надеяться на верную победу лишь в том случае, если новая вера, новая идеология будет подлинными и несомненно истинными. Грубо говоря, надо противопоставить идеологии коммунистов идеологию не менее, а более ценную» [3, с. 24–25].

Евразийцы заявляли, что их идеология исходит из православия и на него опираться: «из абсолютно несомненных истин религии, т.е. русской православной веры, проистекают основы истинной идеологии» [3, с. 26]. Причем русское православие противостоит и западному религиозному позитивизму, католицизму и протестантизму, а также материализму и атеизму социалистов.

Историческая концепция евразийцев до сих пор вызывает недоуменные вопросы и ожесточенные споры даже в среде сочувствующих евразийской доктрине. Методологический порок исторической концепции евразийцев не в антизападничестве, а в идеализации Востока, в оправдании монголо-татарского ига над Русью, как блага. Историческая аргументация евразийцев в сторону оправдания азиатской ориентации России сводится к следующим положениям:

- монголо-татарское иго было благом для России, поскольку способствовало росту самодержавной государственности и оградило Россию от влияния Запада;
- никакого ига не было, а был дружественный союз, монголо-татарское иго способствовало объединению русских земель вокруг Москвы и подавлению межкняжеских распрей;

– Российская империя – правопреемница Золотой Орды и ее границы совпадают с ордынскими.

Евразийцы негативно оценивали реформы Петра Великого с их насильственной европеизацией России. В итоге петровских преобразований и в последующий имперский период истории нашей страны произошло коренное извращение русского национального сознания. «Религиозно-культурная и национальная идея Москвы, как наследницы Византийского царства и потому действительного средоточия христианского мира, как оплота христианства в борьбе с язычеством и с Западной еретической культурой, утратила именно религиозный свой смысл и религиозное, т.е. абсолютное обоснование. На место ее выдвинулась европейская позитивно-политическая идея империи и империализма; культурная задача формулировалась обеднено и часто эмпирически – как рост государственной территории и государственной мощи» [3, с. 37]. Этот поворот к Европе и процесс европеизации «затушевывали исконный антагонизм и способствовали помутнению национального самосознания» [3, с. 37].

Многие положения исторической концепции евразийцев в 1920–1930-е гг. были подвергнуты критике такими эмигрантскими мыслителями как А.А. Кизеветтер, П.М. Бицилли, И.А. Ильин и др.

Примечательна позиция евразийцев относительно типа русской культуры, который они определяли следующим образом: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Ее надо противопоставлять культурам Европы и Азии, как среднюю, евразийскую культуру» [3, с. 32]. Утверждая форму русской культуры как «срединную» между западничеством и славянофильством, евразийцы в то же время провозглашали своим лозунгом национальную русскую культуру, идейно отталкиваясь от всего «послепетровского, Санкт-Петербургского, императорско-обер-прокурорского периода русской истории» [3, с. 32]. Поиски истоков кризиса русской традиционной культуры в результате безудержного проникновения в Россию романо-германской культуры, побуждали русских интеллектуалов к изучению специфики культурно-исторического типа России в целом и общей направленности его развития.

Евразийские взгляды получили распространение в эмигрантской среде в середине 1920-х гг. Постепенно к этому идейно-политическому течению стали примыкать молодые офицеры. Так возникла необходимость в создании евразийских организаций в странах проживания русских беженцев. Евразийские группы (кружки) появились во Франции, Англии, Чехословакии, Югославии и в ряде других стран, однако структурировать движение в общественно-политическую организацию не удалось.

С организационной точки зрения движение представляло собой аморфную совокупность кружков, семинаров, издательств, созданных, в основном, в столицах стран, где существовали русские диаспоры. Как правило, евразийские кружки создавались при соответствующих издательствах. Эти евразийские организации занимались, главным образом, идеологической работой. Деятельность их шла по трем направлениям:

- организация научных конференций, симпозиумов, проведение семинаров и встреч, а также митингов и собраний под евразийскими лозунгами,
- пропаганда евразийских идей в эмигрантской и зарубежной печати, в устных выступлениях и радиопередачах,
- разработка учеными евразийской концепции, издание теоретических трудов в евразийских издательствах (прежде всего монографий и сборников).

Так, в Париже были созданы Евразийский клуб и Евразийский семинар, в Берлине – Евразийский политический клуб и Евразийская группа Русского академического союза.

Формально во главе евразийского движения стоял Н. Трубецкой, но фактически лидером был П. Савицкий, который, в отличие от интеллектуала Н. Трубецкого, был политическим активистом и неплохим организатором. Именно ему удалось создать ячейки евразийского движения в европейских странах и наладить между ними устойчивую связь.

В 1920-х гг. центр евразийского движения периодически перемещался по европейским столицам. В 1921–1923 гг. центром евразийского движения была София, здесь возник первый евразийский кружок. В 1924–1925 гг. центром евразийства становится Прага. Однако пражский кружок вначале напоминал научное общество, чем общественно-политическую организацию. «Число евразийцев возросло, когда П. Савицкий переехал в Прагу, причем в евразийство тогда вступило много белогвардейских элементов, которые тянули евразийство к монархизму, т.е. рассчитывали использовать евразийское движение к реставрации капитализма в СССР насильственным путем» [4, с. 298].

В 1925–1926 гг. центр евразийского движения переместился в Париж, где была сделана попытка объединения евразийских кружков и семинаров в единую организацию. Руководящим органом движения становится Совет. В 1926 г. в Совет входили: Трубецкой, Савицкий, Сувчинский, Арапов, Малевский-Малевич, Карсавин. Совет образовал из своего состава политбюро, в него вошли: Трубецкой, Сувчинский, Малевский-Малевич и Арапов. Политбюро было фактически исполнительным органом организации, а Совет – как бы законодательным, верховным органом [4, с. 299]. Вся эта структура была обоснована теоретически, на практике евразийская организация напоминала дискуссионный клуб, а ее съезды походили на научно-практические конференции.

Важнейшим событием в истории евразийского движения стал Первый съезд евразийской организации в Париже в 1926 г. Съезд пытался решить вопросы программы и статуса евразийской организации, но безрезультатно: не все участники были согласны с принятыми документами. Так, присутствовавший на съезде Л.П. Карсавин, заявил, что отказался от активного участия в деятельности Совета. «Я считал, что предложенный Савицким проект организации евразийства не осуществим, так как евразийское движение не было оформлено, а его проект устава скопирован с устава компартии России, с чем я ни в коей мере согласен не был. По моему мнению, задача евразийства должна заключаться лишь в проведении идеологической деятельности среди русских эмигрантов» [4, с. 299].

Политизация евразийского движения, его стремление к организационному оформлению, а также теоретическая и пропагандистская деятельность евразийцев привлекали внимание ГПУ. Когда же в этом движении возникли политические структуры, имевшие целью вести нелегальную работу в СССР, активность чекистов повысилась. Агенты ГПУ-НКВД проникали в круг евразийцев с помощью фиктивной антисоветской организации «Трест», которую создало само же ГПУ. Организация установила «нелегальную» связь с лидерами евразийства, устраивала взаимные «тайные» поездки. Наконец, советские спецслужбы установили частичный контроль над финансовыми средствами евразийцев. Все было направлено на то, чтобы развалить евразийское движение. «Чекистам удалось переиграть евразийцев и способствовать их расколу. Далеко не все евразийцы доверяли организации «Трест» в полной мере. Судя по заметкам о «Тресте» П.Н. Савицкого, он серьезно опасался «трестовиков» из-за их тесных контактов с монархистами и РОВСом, которых он считал смертельными врагами евразийцев. Эти факты опровергают утверждение некоторых эмигрантских и иностранных публицистов о том, что евразийство было ангажировано ОГПУ и являлось сугубо просоветской организацией. Тем не менее, чрезмерная политизация, на которой успешно сыграли чекисты, способствовала расколу евразийства» [4, с. 238].

После разоблачения «Треста» как фиктивной, провокационной организации многие евразийцы поняли беспочвенность и бесперспективность этого идеологического движения. «В 1929 г. движение окончательно раскололось из-за газеты «Евразия», линия, проводимая этой газетой в лице таких ее авторов, как Карсавин, Сувчинский и С.Я. Эфрон (муж М.И. Цветаевой, агент ОГПУ), была настолько пробольшевистской, что Трубецкой, а позже Савицкий, Алексеев и Ильин публично отмежевались от "Евразии"» [4, с. 238].

Необходимо отметить, что внутри евразийского движения существовали различные течения, так во второй половине 1920-х гг. выделились правое и левое на-

правления. В конце 20-х гг. произошел окончательный раскол движения, его причиной, как отмечалось выше, было начавшееся издание лояльной большевикам еженедельной газеты «Евразиец».

Правое крыло – консервативное направление евразийства – сложилось в Праге и его лидерами были Савицкий и Алексеев. Единства среди правых евразийцев не было, что свидетельствовало об идейном кризисе движения. Из правого крыла евразийцев ушли такие видные деятели как П.М. Бицилли и Г.В.Флоровский. В начале 1930-х гг. правые евразийцы, отойдя от политики, стали заниматься исключительно научными исследованиями, разрабатывая и углубляя евразийскую теорию. Постепенно от движения стали отходить мыслители-основатели, противники «парижского направления» евразийства.

В 1930-х гг. активно действовала группа левых евразийцев, которая пошла на идейно-политическое сближение с большевиками и сотрудничество с ГПУ. Левое крыло евразийского движения выделилось как самостоятельное течение в 1928 г. Ядро составила группа, сложившаяся вокруг редакции еженедельного издания «Евразия». В парижскую группу левых евразийцев вошли Л.П. Карсавин, Д.П. Святополк-Мирский, П.П. Сувчинский, С.Я. Эфрон. Им противостояла группа правых евразийцев из Чехословакии.

Оппоненты обвиняли левых евразийцев в связях с ГПУ, на деньги которого и издается еженедельник «Евразия», а сама группа инсценирована из Москвы с целью внедрения агентов советских спецслужб в эмигрантскую среду и подчинения евразийского движения интересам СССР. Парижский центр евразийства рассматривался ими как резиденция ГПУ. «За свои иллюзии по отношению к советской действительности собравшиеся вокруг "Евразии" некоторые левые евразийцы поплатились жизнью. В 1930-е гг. погибли в ГУЛАГе вернувшиеся в СССР Арапов и Святополк-Мирский (заодно с ними был ликвидирован и Эфрон), в 1949 г. в застенки МГБ попал Карсавин, умерший в 1952 г. в мордовских лагерях» [4, с. 238].

Попытка определить истоки евразийства приводит исследователей к необходимости изучения взаимовлияния и взаимосвязи евразийства со славянофильством, сменовеховством и большевизмом. Евразийство возникло как идеология альтернативная западному либерализму и большевизму. Очевидно, оно опиралось на какие-то предшествующие идейные традиции, на исторические положения, разработанные в прошлом, и наверняка заимствовало некоторые идеи у современных ему идеологических систем, пусть даже и враждебных самому евразийству. Вполне естественно предположить, что евразийство имело в XIX в. в качестве предшественников славянофилов, а на формирование евразийской идеологии оказали влияние сменовеховство и большевизм.

Отличие евразийства от славянофильства было обусловлено объективными и субъективными обстоятельствами. К объективным можно отнести следующие:

- отличные от возникновения славянофильства условия: евразийство возникло в первые десятилетия XX в., в постреволюционный период;
- особые пространственно-территориальные условия – эмиграция, разбросанность русских беженцев по всему миру, воздействие длительной изоляции, оторванность от Родины и народа.

Субъективными обстоятельствами можно считать:

- внимание идеологов движения к истории России (в ней они пытались найти объяснения причин случившегося с Отечеством);
- специфическую оценку и анализ прошедших в стране революции и гражданской войны;
- футурологические прогнозы и желание разработать свой вариант развития России в будущем, предложить свой проект обустройства страны.

Общим для евразийцев и славянофилов было утверждение, что Россия своеобразный, неповторимый, уникальный мир, не только отличный, но и противостоящий Европе. На этом общность заканчивалась, и начинались различия.

Евразийцев отличало агрессивное неприятие Запада, абсолютный изоляционизм. Славянофилы же критиковали Запад, но считали Россию частью, пусть самобытной, но Европы, форпостом дворянско-монархической Европы [6, с. 23]. Славянофилы были и «антиазиатами», т.е. к Востоку они относились как европейцы-колонизаторы, с имперским превосходством [6, с. 23]. Отличали евразийцев и славянофилов также разные оценки причин русской самобытности, разные подходы к поиску истоков специфики государственности и общественного уклада. Русская самобытность, по мнению славянофилов, была обусловлена не «туранским» элементом в русской культуре, а византийским влиянием. Именно православно-византийский мир определил и уникальность русского национального характера, особенность мировоззрения, и специфику российской государственности. Для евразийцев самобытность России была определена не Византийской империей, а Золотой Ордой, монголо-туранским миром.

Славянофилы однозначно отрицательно оценивали золотоордынское иго. «Татарщина» принесла не только огромные жертвы, страдания, обескровила народ, но и была причиной технико-экономической и культурной отсталости России от Европы. Евразийцы, напротив, считали монголо-татарское иго величайшим благом для Руси, точнее, никакого ига не было, а был союз Орды и Руси против Запада.

Такой подход к русской истории, своеобразная интерпретация прошлого не могли не вызвать резкой критики со стороны научной общественности Русского Зарубежья. Большинство эмигрантских историков рассматривало исламский Восток и буддистскую Азию как чуждый и враждебный России мир. Они, как и Константин Леонтьев, считали, что уникальность, неповторимость России придали не татары, а православие и византийское влияние. Судьбу России определила православно-византийская цивилизация, а не степной «туранский» мир.

Практическая направленность евразийской доктрины также имела отличия. «В отличие от славянофилов евразийцы смотрели не в прошлое, а в будущее, не идеализировали старину (часто понятую лубочно), но стремились выдвинуть проект творимой истории, не романтизировали крестьянскую общину и официальную триаду (православие, монархия, народность), а разрабатывали теории жесткой идеократической власти, основанной на активной циркуляции элит» [2, с. 440].

Еще одной особенностью, отличительной чертой евразийства был поиск «третьего пути». Евразийская концепция «третьего пути» выражалась в политике, в религии, в экономике, в философии. В политике евразийский третий путь выразился в лозунге «ни за "красных", ни за "белых"», т.е. они выступали против экстремизма как крайне правых монархистов, так и против крайне левых – большевиков. В религиозной сфере – в проповеди возврата к истинному, т.е. допетровскому православию, в отрицании синодального официального православия и в то же время в отрицании воинствующего безбожия и атеизма большевиков. Экономически «третий путь» был обозначен лозунгом «Ни коммунизма, ни социализма». В философии евразийцы выдвинули идею: «ни абстрактный идеализм, ни грубый материализм».

Лейтмотивом евразийской идеологии и политики был этатизм. Евразийцы весьма положительно оценивали организационно-управленческую структуру СССР и мечтали использовать ее в случае прихода к власти, но именно партийно-государственная модель СССР соответствовала всем эталонам и критериям этатизма. Очевидно, засилье государства в экономической, социальной, культурной жизни общества, в научной и другой деятельности, распространения экспансии государства, его учреждений на все сферы жизни общества устраивали евразийцев, соответствовали установкам их идейно-политической платформы. Признание однопартийности в управлении обществом, одобрение вторжения государства в экономическую жизнь путем жесткого централизованного планирования, контроля распределения, администрирования в экономике, насаждение единой для всего общества православно-евразийской идеологии вместо коммунистической, признание гонения за инакомыслие, согласие с ограничением прав человека, партийный отбор во властные органы и другие формы лжедемократии – такая приверженность евразийцев к этатизму сближала их с большевизмом и фашизмом. Эта установка лидеров течения подверглась особо жесткой критике со стороны русской эмиграции.

Слабость евразийского движения была обусловлена и тем, что их теория не была подтверждена практикой, не было условий для ее реализации в реальной жизни. В условиях Русского Зарубежья это было не возможно, а путь в Россию для большинства евразийцев был закрыт. Осуществление на практике евразийских идей возможно было только в СССР, но в советской стране, построенной на марксистско-ленинских принципах, не было места евразийству. ВКП(б), Советская власть, за исключением ГПУ, были равнодушны к творческим изысканиям евразийцев.

Историческое значение евразийства состоит в том, что его лидерам была небезразлична судьба покинутого Отечества, что они вникали в «живые и острые вопросы творимого дня». Идея Евразии была для них священным догматом и источником вдохновения, способствовала превращению утопических элементов в реальность. Конечно, на формирование идеологии евразийства оказало влияние отсутствие полноценной статистической и аналитической информации «из первых рук» о жизни в СССР для обоснованных выводов о советской действительности, но это не обедняло их фантазирование, предчувствия и прогнозы.

Заслуга евразийцев заключается в создании русской национальной геополитической школы. Евразийская геополитическая доктрина противостоит коммунистической концепции международных отношений, западного либерализма, а так же современной американской доктрине глобализма. А. Дугин пишет: «евразийцы сформулировали в общих чертах модель русской утопии, причем сочетающей в себе, как резюме, консервативные славянофильские и народнические чаяния, так и футуристические и мобилизационные авангардные мотивы. Эта евразийская утопия объединяла в себе критический реализм, строгое знание об экономико-технической и промышленной стороне реальности с предельным идеалистическим, духовным напряжением» [2, с. 448–449].

Идеи евразийства, связанные с сохранением целостности многонациональной России, раскинувшейся на двух континентах, весьма актуальны в нынешних условиях патологии суверенизации и сепаратизма, разгула звериного национализма и русофобии, охватившей национальные республики Российской Федерации в 1990-х гг. Идеи евразийства вписываются в проблемы поиска нового союза независимых государств Европы и Азии вместо распавшегося СССР.

Список литературы

1. Дугин А. Г. Евразийский триумф. Послесловие / А. Г. Дугин // Петр Савицкий. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 8–12.
2. Дугин А. Г. О евразийстве / А. Г. Дугин // Петр Савицкий. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 433–453.
3. Евразийство (Опыт систематического изложения). – Париж, 1926. – 126 с.
4. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. – М., 1999. – 776 с.
5. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М., 1997. – 464 с.
6. Сендеров В. А. Неоевразийство: реальность, опасности, перспективы / В. А. Сендеров // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 23–36.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ТЕОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА МОТИВАЦИИ

Е.В. Гайнутдинова
(Россия, Астрахань)

Цель исследования состоит в том, чтобы провести социально-философский анализ феномена «мотивации» и мотивационных механизмов именно с учетом авторитетных подходов и позиций, существующих в социально-гуманитарной области знаний. Подобный сравнительный анализ позволяет проследить линии развития представлений о мотивации и определить точки пересечения существующих концепций, чтобы дать методологическое обоснование концептуальной модели мотивации. Кроме того, уникальность субстанционально-деятельностного подхода состоит именно в поиске фундаментальных смыслов в исследовании мотивации, оп-